

A man with curly hair, wearing a grey knit sweater and dark pants, stands with his back to the camera, looking out from a large circular opening in a futuristic, teal-colored space station. The station's interior is filled with complex machinery, control panels, and glowing lights. Outside the opening, a bright sun or star is visible in a blue sky, surrounded by a ring of white clouds. The background is a vast, dark space filled with stars and distant galaxies.

АНТОН КАРЕЛИН

Одиссей Фокс
Голос Древних

Антон Карелин
Голос Древних
Серия «Одиссей Фокс», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70115791
SelfPub; 2024*

Аннотация

Одиссей Фокс, последний человек без апгрейдов и по совместительству гениальный детектив летает по огромной галактике, наполненной миллионами миров и историй, на старой мусорной барже "Мусорог". Но за внешней простотой кроются тайны, за обладание которыми Вечные готовы, не раздумывая, стирать целые планеты. В четвёртой книге серии мы услышим голос Древних, звучащий с начала времён, узнаем одну из важнейших историй Галактики – и сразимся с лучшими из лучших на Планете судьбы.

Содержание

Глава I Маленький шаг для человека	5
Глава II 5-4-3-2-1	29
Глава III Пролетая над бездной	58
Глава IV Падающий мир	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Антон Карелин

Голос Древних

Дело №17

Одиссей Фокс и Планета судьбы

*«Никто не знает, что такое судьба.
Но я знаю, где нужно её искать.
Она прячется на границе между
слепым роком и твоей волей.
Ищи судьбу там, сын»*

*Последний глава Союза наследников
Оберон Ривендаль*

Глава I Маленький шаг для человека

– Я ухожу.

Ана стояла, прямая и напряжённая, посреди ангара номер три, между экзотичными продуктовыми полками и обыденным обеденным столом. Под глазами пролегли тени, а эмо-волосы утратили жизнерадостную кудрявость, они тяжело и гладко стекали по плечам, отливая сталью принятых решений. Она была не похожа на саму себя.

– Почему? – спросил Фокс.

Не то чтобы он не догадывался, но любой разговор надо с чего-то начать.

– Больше не хочу быть твоей тенью.

– Ты ей и не была. Без тебя мы бы не раскрыли дело трёх гипермаяков; не помогли бы маргеланской вдове, потерявшей мужа; без тебя я бы умер от звёздной оспы.

Он не добавил, что до Аны «Мусорог» был пустым и неудобным, а с ней превратился в дом.

– Ты лучшая ученица, о какой можно мечтать.

– А ты лучший учитель, – с вызовом сказала она, бледная и прямая, как летящая в бездну олимпийская стрела. – Ты научил меня делать правильный выбор и задавать самый

нужный вопрос.

– Какой?

– Почему лучший сыщик галактики, человек с интуицией, не имеющей равных, не сумел отличить меня от моей... сестры?

Одиссей опустил глаза. Этим вопросом за почти сутки, прошедшие с момента их фееричного свидания, он задавался и сам.

– Потому что, когда дело касается тебя, быть лучшим сыщиком галактики отходит на второй план, – признался он. – А ещё потому, что Афина тебе не сестра. Вы с ней... нечто большее.

Это была правда, но даже со всей мудростью прожитых лет Одиссей пока не понял, что именно эта правда ранит Ану сильнее всего. Ведь мало того, что эта девушка оказалась низшей ступенью развития самой себя, лишилась отца и семьи, а брат с сестрой пытались стереть её, как ненужный мусор! Хуже: она восхищалась совершенной Афиной и уникальным Фоксом и в глубине души чувствовала себя ничтожной по сравнению с каждым из них по отдельности... а они предали её вместе. В момент, когда она была уязвимее всего.

Пусть Одиссей сделал это невольно, но Ана испытала такую боль и шок, что не могла отнестись к нему справедливо. Хоть и пыталась, говорила себе, что он тоже был обманут... Несколько часов девушка смотрела в стену, не понимая, что

чувствовать и как думать, иногда вспоминая, что нужно дышать. Потом рвала и метала снаружи и внутри; в бедной комнате царил испуганный кавардак. Выместив боль, Ана отыскала смирение, а затем решимость всё изменить. Но чтобы измениться, нужно сделать первый шаг, каким бы трудным он ни был.

– Дальше я полечу сама.

Она резко развернулась и шагнула в свою маленькую спальню, едва успевшую стать родной, отгороженную от общей части ангара ненадёжной стенкой из неровно пригнанных металлических пластин.

Кристалл Фокса мигнул и подсказал, что бывшая принцесса вызвала гиперглайдер: дешёвое средство для быстрых путешествий с минимальным комфортом и максимальными перегрузками; в таких перебрасывают вахтовиков, обедневших наёмников и бригады полунищих кибертрудяг. Пункт назначения был скрыт.

Умный и справедливый Фазиль, перед тем как отбыть с Бекки и Трайбером по «неотложным экономическим делам», выдал ассистентке долю в полученных гонорарах за все последние заказы, плюс заслуженную премию за дело в космическом госпитале... У бывшей принцессы появились честно заработанные средства, на которые можно начать собственный путь.

Чёрт возьми, но Одиссей видел будущее! Он *знал*, что Ана уйдёт не сегодня.

Окружённая высшей защитой, она поднимется по сияющей лестнице и взойдёт на борт имперского рейгата; оставит «Мусорог» вместе с друзьями и примет судьбу подданной империи. Но это случится позже. Что же помешает ей сейчас?

Ана тоже это знала, она не могла не понимать, что будущее реально и его не изменить! Может, подумал Одиссей, именно поэтому она решила уйти? Потому что знала, что у неё не получится? Или всё проще, и девушка дала ему классический выбор: отпустить её или остановить?

Фокс уставился на комнату принцессы и внезапно увидел, что дверь туда отливает тончайшим изумрудным сиянием – потому что в его чёрном глазу загорелась крошечная зелёная звезда. Вот оно как. Это значит, если Одиссей войдёт туда сейчас – они с Анной сумеют договориться. Судьба не изменится, всё вернётся на круги своя.

Фокс сделал первый шаг, и совершенно случайно его взгляд упал на приборную панель «Мусорога», где обитал тактичный Гамма, который не сказал ни слова в последние часы. Там мигал жёлтый огонёк: какая-то новость, достаточно веская, чтобы её выделить, но недостаточно важная, чтобы навязать капитану. Она тихо ждала внимания и ждала бы напрасно – но как только взгляд Одиссея упал на панель, та налилась бледным синим огнём. Детектив вздрогнул, ведь светили не приборы: это опять была звезда в глубине глаза сайн: теперь стала пронзительно-синей, и сияла куда силь-

нее, чем прежде. Стоит Фоксу открыть эту новость, она изменит ход и его судьбы, и многих других?

На мгновение человек застыл перед выбором, пристально глядя в закрытую дверь и размышляя, что будет лучше для Аны и для него.

Ведь вопреки впечатлению принцессы, считавшей, что Одиссей всегда готов шагнуть навстречу судьбе – гораздо чаще он осторожно отступал. В большинстве случаев, когда взгляд прогностического центра сайн падал на потенциально активный элемент, пронизанный синим, алым или фиолетовым мерцанием, Фокс игнорировал его и приходил мимо. Он даже не подозревал, что только за последний год: упустил второе место в регате Млечного кубка, избежал рабства в Орханском квазарате, превращения в консула Лиги Отвергнутых Планет; чуть-чуть разминулся с карьерой поп-идола и едва не стал экспонатом ЧООМ – галактического музея вневременного искусства.

Но в этот раз детектив вспомнил реакции девушки и внешне понял всю глубину её мучений.

– Тупица, – буркнул Одиссей самому себе.

И, больше не раздумывая, ткнул пальцем в приборную панель.

– **Чрезвычайная новость**, – безмятежно сообщил Гамма. – В центральном кластере Млечного пути появился Мир Ноль, также известный под названием Планета судьбы. Великая сеть и ещё несколько галактических институтов офи-

циально подтвердили, что это тот самый Мир Ноль, возраст которого уходит к начальной эпохе возникновения вселенной. Загадочная планета, которая не существует в общем потоке времени, а является раз в несколько тысячелетий. Сейчас большинство инфо-волн галактики обсуждают значение этого события. Включить трансляцию, предназначенную для людей?

– Включай для всех на борту, – зачарованно сказал Одиссей.

У него была своя, давняя и глубокая причина поучаствовать в Игре Древних. Но он не предполагал, что возможность предоставится в этой жизни, да ещё и в такой момент.

– ...Невероятная новость всколыхнула уже половину галактики, друзья мои, а другая половина вот-вот содрогнётся от растущей волны изумлений и восторгов! – быстро и бодро вещал профессионал по нагнетанию сенсаций, бесменный ведущий Milky Wave Теодорро Хайп. – Планета загадок, планета чудес, ПЛАНЕТА СУДЬБЫ вернулась, мои дорогие! Вернулась спустя ровно три тысячи двести шестьдесят один оборот, два эместра, семнадцать циклов, сорок четыре сегмента, двадцать три такта и девять тиков после того, как исчезла в прошлый раз! Вернулась, когда её никто не ждал. Ну, кроме горстки увлечённых гиков...

Трансляцию сопровождала эмо-волна зрительских реакций, и Одиссей покачал головой, увидев два скромных знач-

ка: *двадцать семь триллионов* и три с половиной миллиарда. Общее число зрителей всех идущих трансляций о Планете судьбы – и количество подключённых к волне Теодорро Хайпа. Обе цифры поражали, за долгую и полную событий жизнь Фокс ещё не видел настолько массовой аудитории. Двадцать семь триллионов разумных существ... кажется, это сотая часть всего населения галактики.

– Со мной в студии секторально признанный эксперт по Миру Ноль, профессор чудономики и теории невероятности, бубнеанец Бо. Напомню, что язык бубнеанцев скорее символический и настроенческий, чем строго-смысловой, поэтому его ответы можете смело интерпретировать сами. Впрочем, зрители так всегда и делают.

Хайп хихикнул.

– Профессор, каково значение неожиданного появления Мира Ноль? Есть ли в этом событии смысл или оно абсолютно случайно?

– Бу. Бы. Ба. – пробубнил Бо.

Автопереводчик предпочёл не трогать ёмкое высказывание эксперта и оставил его без перевода.

– Вот как? – удивился Хайп. – Но почему планета появилась ровно три тысячи двести шестьдесят один оборот спустя своего исчезновения? Нет ли в этом закономерности?

– Бу. Ба. Бы.

– Поразительно, профессор, это мне даже в голову не приходило! Но если так, то у неизвестных создателей этого

странного мира должна быть цель? Если это, как вы предполагаете, некая вселенская Игра, то какова её задача? Каким будет итог?!

– Ба. Бу. Бы.

– Невозможно, – поперхнулся Теодорро. – Слишком смелая гипотеза, профессор. Вы всерьёз предполагаете, что победитель получит возможность сделать... что угодно? Это противоречит закону сохранения здравого смысла. Как технически можно осуществить «что угодно»? Особенно в масштабах галактики.

– Бе.

– Ну что же вы так сразу, зачем ругаться, да ещё на такую громадную аудиторию... Профессор?.. Хмм, ладно, с нами в студии Лум Весельчак из народа ваффу, доктор исторических наук и один из основоположников оптимистичной истории.

– Здравствуйте, – жизнерадостно подтвердил Весельчак, сверкая большими оранжевыми глазами и оскалив улыбчивый рот. – Чудесного вам времени суток, столь же прекрасного, как предыдущие миллионы лет!

У оптимиста была серо-голубая кожа с красивыми «акварельными» разводами и смешные округлые уши, бодро торчащие в стороны; белоснежная щетинистая бородка обрамляла нижнюю половину лица, а маленькие клычки придавали ему залихватский вид. Несколько гибких и мягких щупов свисали с затылка и загибались вокруг шеи, они выда-

вали в Весельчаке представителя одной из тактильно-эмпатических рас. Он вырос на безопасной планете, где никогда не было хищников и физической агрессии, а все звери испокон веку безбоязненно взаимодействовали друг с другом к общей выгоде. Тэмпаты привыкли к близким контактам и любили всё как следует общупать. Любопытные серо-синие отростки торчали у ваффу из локтей, запястий, колен, спины и боков.

– Доктор Лум, вы виднейший энтузиаст Мира Ноль, как вы можете прокомментировать слова предыдущего эксперта?

– Согласен с его теорией за исключением некоторых деталей, – быстро заговорил ваффу. – Да, планета Ноль явно рукотворна и совершенно точно предназначена для проведения особых, чрезвычайно серьёзных Игр. Испытание Древних проходит раз в несколько тысячелетий, точную дату невозможно установить заранее, иногда между ними тридцать столетий, иногда пятьдесят. Примерно в этих пределах.

– Кому понадобилось создавать целый мир для игр, да ещё такой странный?

– Об этом данных нет, хотя догадок и гипотез много, – улынулся Лум. – Лично я придерживаюсь теории вневременной природы Мира Ноль. То есть не считаю, что он на самом деле был создан на самом первом этапе существования вселенной. Это невозможно: тогда звезды ещё не успели сформироваться, не говоря уж о планетах и развитии форм

жизни. Прежде чем это случилось, прошли миллиарды лет.

– Почему же все виды анализов показывают, что планета почти ровесник нашей вселенной?

– Потому что она хранится вне общего временного потока, и только на время игр синхронизируется с нужной датой. Полагаю, создатели таким элегантным образом сохраняют Мир Ноль в безопасности от любых посягательств.

– Интересно, интересно. Но как насчет самого вопиющего момента: легенды о том, что победитель игр получит возможность сделать... что угодно? Как такое вообще может быть реализуемо? Что, если я пожелаю превратить вселенную в джунгарскую тыкву?!

– Вряд ли легенду о власти над судьбой стоит воспринимать настолько буквально, – кивнул Весельчак. – Но победители игр действительно получали огромную силу. Давайте обратимся к скудным историческим данным: в период фиксируемой истории, то есть последние двадцать тысяч лет, игры проходили четыре раза. О первых нам ничего не известно, кроме примерной даты и смутных преданий. А вот следующие хоть как-то зафиксированы. Победитель вторых игр, некто Юррас Бесконечный из примитивной расы смуглей, превратился в высшее существо, впрочем, нет никаких свидетельств, что он просто не сгинул, ведь, став высшим существом, Юррас исчез из истории и никак не повлиял на мир. Зато выигравшая третьи игры Олашши Трин из народа хаммари основала Содружество, к настоящему времени

ставшее одной из величайших сил галактики! Чемпион четвертых игр, Да'Вир Упорядочиватель, обуздал Силу и с её помощью превратил своих потомков, а через них, по сути, всю расу руу'нн из медленных и угнетаемых существ в могучих кинетиков. Он лично освободил свою расу из рабства и завоевал сотни миров.

– И никто из победителей не использовал огромную власть, которую даёт планета, для простого и понятного личного обогащения? – удивился ведущий. – Какое-то постоянное спасение народов, неужели в галактике так много навязчивых альтруистов?

– Может, игры влияют на участников так, что победителям становится не до мелочей? – улыбнулся Лум. – Я очень хочу узнать правду, ведь мы с соратниками всю сознательную жизнь собираем легенды и материалы о Мире Ноль. Но участникам начисто стирает память о ходе испытаний и обо всём, что происходит на планете. Наверное, как раз чтобы они не могли приоткрыть завесу тайны над играми и не оставили инструкций для будущих поколений.

– Дражайший доктор, ваши исторические познания несравненны, как и ваша содержательная речь! – кивнул довольный Теодорро. – Хотя триста тринадцать миллионов зрителей выразили несогласие со всем, что вы сказали, а также резкое сомнение в вашей компетенции и умственных способностях. Но куда больше вас одобряет.

– Гораздо интереснее, сколько этноидов в этот раз решат-

ся принять участие в отборочных турах Игры судеб! – воскликнул Весельчак. – Ведь есть целые сообщества люденгов, которые собирают всю доступную и недоступную информацию о Мире Ноль, об испытаниях и их результатах, о победителях и тех, кто выжил или погиб на этой поразительной планете. И, передавая данные из поколения в поколение, они жили с надеждой, что именно на их век выпадут следующие Игры.

– Представьте их состояние прямо сейчас! Когда легенда стала реальностью, а мечта явью! – подхватил опытный ведущий, поймав хайп. – Сегодня каждый желающий сможет принять участие в отборочных испытаниях Планеты судьбы! Кстати, как это сделать?

– При своём появлении Мир Ноль начинает транслировать в пространство некий космический Зов. И подключиться к нему может любое разумное существо, все равно какой расы, потому что этот Зов интерсемантический, то есть он меняется в зависимости от того, кто и как будет его воспринимать. Для одних это звук, для других запах, для третьих ментограмма или визуальный знак; для кого-то программный код или комплекс вибраций, даже чистая эмоция.

– Но я не слышу никакого Зова, – испугался Теодорро. – Планета существует всего один оборот, а затем исчезает на тысячи лет! Времени мало, так хочется рискнуть и поучаствовать в величайшей лотерее вселенной! Как же мне быть?!

– Чтобы ощутить Зов, нужно просто представить плане-

ту судьбы, – тронутый предметом обсуждения, благоговейно произнёс ваффу. – Не важно, изучал ты её много лет или узнал о ней сегодня; важна лишь сама идея. Идея планеты судьбы открывается любому, кто сосредоточится на ней. И если это сделать, вы услышите или увидите, или как-то ещё поймёте *ключ*. Этот ключ сделает вас участником Игр.

Эмо-лента сходила с ума от миллионов раздиравших её сообщений, она вышла из берегов, словно взбесившаяся река. Фокс представил невообразимое количество непохожих существ в самых разных мирах, которые сейчас в смятении или радости, в страхе или отключив все чувства совершают судьбоносный шаг.

– Но будьте предельно осторожны! – воскликнул доктор Лум, и впервые его врождённый оптимизм окрасили волнение и тревога. – Даже отборочные испытания могут быть опасны! Данные о некоторых из них не стираются из памяти, и, насколько мы знаем, они ещё ни разу не повторялись. Среди них были и сложные, и те, что вредили участникам, и даже смертельные для некоторых! Поэтому трижды подумайте, готовы ли вы рисковать? Ведь из всей армады претендентов... победит лишь один. Остальные проиграют. Взвесьте все за и против! А потом подождите и подумайте ещё раз. И только тогда...

– Прощайте! – фальцетом воскликнул Теодорро Хайп. – Я поймал Зов планеты и узнал кодовый танец, ключ к величайшей Игре. Лево́й, право́й, хвостом; оборот, притоп, при-

хлоп, ррраз!

Наступила тишина.

– Э-э-э, – испуганно пролепетал тоненький робкий голосок. – Хозяин застыл и не двигается. Кажется, он решил всё бросить и стать участником Игры... Что ж, мне, Мучарси по кличке Шишон, ничего не остаётся, как героически заменить его и стать новым ведущим... Ох, я так волнуюсь... Дорогие зрители, слушатели и вниматели! Мы продолжаем трансляцию, посвящённую Планете судь...

Мучарси замолчал, а затем вдруг взорвался:

– Да лети оно всё звёздной пылью! Раз в тысячи лет, такой шанс упускать нельзя... Соберись, тряпка, смелее!

И трансляция самой популярной волны сектора прервалась, а три с половиной миллиарда фолловеров остались сами по себе.

За дверью Аны что-то звякнуло, будто руки девушки ослабели и она выронила какую-то мелкую вещь.

Одиссей замер, пронзённый предчувствием огромной истории. В глубине его глаза неистово мерцала синяя звезда. Синий, цвет познания и открытий, бесконечного пути – не красный и фиолетовый, не разрушение, опасность и смерть. Но за синей звездой нависали мрачные тёмные бездны, значит, у этого выбора будут далеко идущие последствия.

Фокс смежил веки и представил Планету судьбы. Какой она могла быть... А разве это важно?

Зов заполнил его сверху донизу, он пронёсся сквозь те-

ло и уходил куда-то ввысь, в иные измерения, считая всё на своём пути – но не разрушая, а очищая от лишнего. Словно лишь этот поток имел направление и смысл, а всё остальное в жизни было хаотичной болтанкой из стороны в сторону, не ведущей никуда. Одиссею отчаянно захотелось поддаться потоку и унести вместе с ним... в вышние края.

«*За бесконечностью?*» – раздалось глубоко внутри. Вот как звучит мой ключ, понял Фокс. Он очнулся, держась за грудь и быстро дыша; всё тело было в испарине и сжато пугающей, но уверенной и какой-то правильной дрожью.

Одиссей посмотрел на дверь в комнату Аны. Что может помешать ей уйти сегодня?

– За бесконечностью – я, – прошептал он.

Два триллиона, четыреста двадцать девять миллиардов, семь миллионов, шестьсот пятьдесят три тысячи, сто сорок три живых и разумных существа – они были вместе.

Каждый в своей точке галактики, но все теснились в пустом и мягком пространстве, где кроме их коллективного сознания не было ничего. Невообразимое единство, которое сложно описать – оно оказалось сильнее и глубже, чем прямая ментальная или нейропоточная связь.

– Ух ты, – прошептал Фокс.

И одновременно с ним что-то выкрикнули, выдохнули, высказали или иным способом отреагировали бесчисленные легионы других существ. Все ощутили коллективный

«Ах», и каким же разнообразным он был! Флегматичные расы бесстрастно отметили новые данные; гиперэмоционалы впали в фазу эйфории; моторно-когнитивные существа, словно живые конструкторы, изменили конфигурации своих тел; смешливые засмеялись, пугливые заплакали, впечатлительные впали в шок, а полиэмоты, как обычно, испытали всё и сразу; у фактуралов сменилась текстура, у хамелеонов окрас; химопластичные расы выдали соответствующую ситуации цепочку биохимических реакций... И так далее, и тому бесподобное.

Удивительно, насколько схожи в своей сути настолько разные существа.

Мозг с самыми мощными апгрейдами не способен осмыслить так много одновременных событий. Ни одна раса в галактике, даже этноиды с роевым восприятием и мышлением, не могут быть связаны с таким количеством других. Но два с половиной триллиона участников не просто чувствовали друг друга, а были вместе. Фокс не успел это обдумать, как осознал преобладающие настроения этого единства. Ведь рядом с ним, так близко...

Оорт из пояса астероидов, тяжёлый и одышливый, он только что решился на Игру – из нужды. Жизнь впроголодь, нескончаемая тяжёлая работа и тиски долгов: дни Оорта полны лишений. Внезапное явление Мира Ноль выглядит как чудо и шанс, который нельзя упустить. Работяга поддался нестерпимому порыву всё бросить, всем рискнуть – и вы-

играть. И таких, как Оорт, вокруг очень много: миллиарды тружеников, честных бедняков, но и тёмных личностей, преступников из неблагополучных миров. Больше всего на свете они хотят изменить свою жизнь.

Легконогая и длиннорукая Ландри с планеты Бинар не пропускает значимых событий, ведь она лайв-хроник, в её сознание включено столько фолловеров! Она бежит вместе с пульсом событий, чтобы дать своему кругу всё самое лучшее! В галактике процветает достаточно миров, жители которых не знакомы с нуждой. Разительно не похожая на Оорта, Ландри стремится быть в центре главных событий, жаждет обратить на себя внимание всего мира, прославиться и стать важной для других... Одиссей знает, как сильна тяга к самовыражению и в какой мере она руководит действиями и жизнью многих существ. Никогда не стоит её недооценивать.

Финнифнат Уханду, надутый делец с Позитрона-5, считает по-своему. Дела у него всегда идут неважно: жизнь полна дураков, которых легко обобрать, но они цепляются за скользкие щупальца Финнифната, норовя облапошить его в ответ. Спотыкаясь каждым тентаклем о поверхность колючего мира, который он жаждет обчистить, Уханду проклинает всех и вся: «Разрази великая засуха гримасы шершавой судьбы!» Им руководит жажда наживы, чистый и незамутнённый эгоизм. «Да пошли они все к сухой лягушке, пусть горят на солнечной стороне, а я буду чавкать в трясине богатства, нагваздайте мне побольше, вы обязаны, мир мне дол-

жен, моё, всё будет моё. Вернее, оно уже моё, надо только отобрать».

Резким контрастом с трясинной Финнифната оказалась четвёртая из движущих сил: альтруизм-идеализм, стремление к высокой и важной цели. Когда Олашши Трин победила в Игре, она выбрала в награду две ключевые технологии, которые заложили основу будущего Содружества, – но философию и подход придумала сама. Она всего лишь хотела улучшить непростой уклад своей перенаселённой системы – а ей удалось изменить историю всей галактики и жизнь сотни тысяч миров. Сегодня младший коммунизатор Бимос, маленький роевой снифф из колонии №14-006КН223, аугментированный для выполнения социальных функций, жаждет сделать нечто подобное. Всё его крошечное сморщенное существо мечтает о потоке реформ и перемен. Нюх-нюх.

А это – безымянный и бестелесный айн из почти безграничного океана цифровых реальностей гуманоидного кластера миромоделей. Он лишь функция, одна из сил виртуальной природы, отвечает за обшчёт и реализацию потоковых природных явлений в атмосферах – можно назвать его божеством цифровых ветров. Ему никогда не требовалось больше, чем просто быть. Но сегодня, изменённый новостью о возвращении древней планеты, сервисный айн принял решение встроиться в процессы. За доли секунды он утвердил с админами смену статуса, сконструировал себе личность, выбрал имя, сформировал внешность и получил от высших

айнов кластера собственное материальное тело. Наверняка оно понадобится в испытаниях.

Зачем он нарушил размеренный покой и гармонию своей цифровой жизни и вышел в несовершенный оффлайн? Ради чего выделил целых три процента вычислительных мощностей под обработку личностных черт и замкнутого сознания? Ради великого Познания, у которого нет пределов и конца. Ибо как можно упустить редчайший шанс, один на сотню поколений, и не принять участие в загадочной игре на рукотворной планете, которую создали неизвестные Древние с неясной целью? Слишком много нестандартных вероятностей сходятся в одной точке пространства-времени, чтобы мыслящее существо могло проигнорировать их.

Теперь у айна есть имя, его зовут Познатель-16-Парадокс, и он ощущает любопытство, страх и нетерпение, совсем как другие живые существа. Но, пожалуй, более дозированно и управляемо. А где-то на фоне мелко-минутного существования его новенькой личности дуют комплексные ветра из мириад факторных потоков, сворачиваются и разворачиваются сложные циклоны цифровых атмосфер...

Схазма Чудовищная вошла в игру по совсем другим причинам. Неимоверно сильная, как боевой фактор и как личность, она выделялась даже из бесчисленных толп. Витальный энфорсер ордена сэлл, изменчивый биоморф с фанатично стойким личностным ядром, своё имя Схазма получила от тех, кто её ненавидит и боится – но с гордостью приняла

его. «Я Чудовище», соглашается она, убивая и изменяя тех, кто стоит на пути ордена. Схазма делает всё, что потребно и непотребно, чтобы победить в этой странной игре и получить должное. Ведь чудовищной сэллой движет долг. Как и миллионами других: солдат, чиновников, эмиссаров, миссионеров и детей кланов или родов. Они здесь не за себя, а ради чего-то большего, каждый из служителей представляет какую-то общность.

Нужда, самовыражение, корысть, идеалы, познание и долг.

Эти движущие порывы были сильнейшими, они двигали невообразимым количеством личностей в несчётном числе миров. Мелькали и другие: злоба и месть, желание навредить, злорадное предвкушение «подождите, сейчас я учиню такое...». Философское: «Почему бы и нет», и «Мне всё равно, ведь ничто не имеет смысла». С такими и многими другими помыслами миллионы игроков вошли в Игру. Кажется, были даже отдельные эксцентрики, которые собирались победить и загадать невыполнимое желание, чтобы посмотреть, приведёт ли оно к коллапсу вселенной. Или хотя бы галактики, вот будет номер! Но носители редких мотиваций терялись в общем хоре, их индивидуальные голоса были слишком слабы.

И это хорошо. Ведь чувствуя цели и настроения других, Одиссей старался не думать о себе и не осознавать свою личность – чтобы остаться незамеченным. Цель, с которой он

шагнул сюда, лучше скрыть. Если человек сумеет пройти испытания и окажется на Планете Ноль, участников будет совсем немного, и понимание движущих сил каждого из соперников станет преимуществом. Лучше не давать его другим.

К счастью, Фокс был в абсолютном меньшинстве, и вряд ли кто-то его заметил.

Весь этот ворох удивительных ощущений длился не больше десяти секунд. И после взрыва сумбура, многоголосого осознания себя и всех остальных, единство начало умолкать – с каждым мигмом нарастали неподвижность и тишина.

Потому что в центре этого не-пространства, где собралось внимание всех участников игры, возник символ. И все старались понять, что он означает. Ключ входа в игру был уникален для каждого игрока, а этот символ – одинаков для всех. Наверное, сразу подумал Фокс, это знак загадочной древней расы, создавшей Мир Ноль. И поняв этот символ, можно строить догадки о тех, кто его начертал.

Увы, человеку это оказалось сложновато. Станный, изменчивый кривогранник вращался внутрь, на глазах у Фокса схлопывался сам в себя, но каждая исчезающая грань рождала новые грани, они расходились в разные стороны, как фрактал. Выходило, что символ постоянно и стремительно разрастается, ведь он прибавляет много граней за каждую схлопнутую... однако почему-то он оставался прежнего размера. Брр, у Фокса зарябило в мозгах.

В единстве «зашумело» множество реакций, кажется, символ узнало лишь абсолютное меньшинство, и кто-то скрывал это знание, а другие, наоборот, транслировали остальным. Но три секунды спустя символ изменился: фрактальное разрастание и схлопывание прекратилось, теперь кривая фигура просто вращалась сама в себя, словно какая-то игрушка или пазл, всё ещё сложная, но уже на порядок проще предыдущей. Одиссей до сих пор не знал, что всё это значит, как и подавляющее большинство участников игры. Но целые миллионы то ли самых образованных, то ли самых необычных существ уже поняли, в чём смысл. И осознание распространялось по единству со скоростью мысли.

Символ плавно упорядочился и стал кубом, обычным кубом – и тогда детектив хлопнул себя по лбу. Измерения! Сначала был пятимерный объект, вернее, его проекция, чтобы символ могли воспринимать обычные трёхмерные инвалиды, которых в галактике подавляющее большинство. Затем символ стал четырёхмерной проекцией куба, а теперь собственно трёхмерным кубом, привычным для большинства существ. Через пару секунд он превратится в двумерный квадрат, затем в линию, а после в бесконечно малую, но всё же чётко различимую точку. «Пять, четыре, три, два, один, ноль».

Это был отсчёт до начала Игр.

Смех, облегчение и подобные реакции прокатились по всему единству. В голове у Фокса пронеслось, что, если

Древние были пятимерными существами, это многое объясняет. Их могущество, их панибратское отношение с временем, может быть, даже их исчезновение. И это подтверждало *цель*, ради которой Одиссей давным-давно хотел стать участником Игры. Но думать над этим было некогда, он отложил вопрос в сторону и перевёл разум в режим полной готовности. Испытания вот-вот начнутся.

Квадрат, линия, точка. К этому моменту уже половина единства разобралась, что к чему, и молча ждала первый отборочный тур, тогда как вторая половина устроила невыносимый гвалт. Но Одиссей уже научился отключаться от ненужных частей единства, чтобы сосредоточиться на нужном.

Точка погасла, и что-то неуловимо изменилось.

Игры начались.

Напротив опять появился первый фрактальногранный символ, который неудержимо рос во все стороны, при этом оставаясь на месте. А затем, перегородив его, перед каждым из двух с половиной триллионов участников возник непроходимый чёрный провал.

Фокс смотрел на него меньше секунды, а уже знал, что делать. Он рванулся вперёд так быстро, как только мог, и канул в темноту. Пока подавляющее большинство претендентов разглядывали странную штуковину, просчитывали и анализировали её, пытались понять, в чём суть испытания... испытание было завершено. Потому что первой ступенью на

пути к участию в игре – была проверка на готовность участвовать в ней.

Те, кто первыми шагнули в провал, прошли в следующий тур. Остальные выбыли, не успев осознать, что происходит, или успев осознать, рванувшись вперёд, но опоздав на миллисекунду.

Во второй тур прошёл ровно триллион игроков. Остальные полтора триллиона ахнули, возопили и замолчали: в шоке, разочаровании, гневе, с облегчением и множеством других чувств. Но их безжалостно и равнодушно отсекло от единства и выбросило обратно в скучные будни. Они потеряли свой шанс.

Годы спустя они будут с болью вспоминать этот момент – когда от участия в величайшей игре своей жизни их отделило простейшее действие из всех возможных: сделать шаг вперёд. Им не хватило для этого доли секунды и грана решимости, и они остались на обочине судьбы...

А Одиссей сделал первый шаг к Планете Ноль.

Глава II 5-4-3-2-1

Напротив висел четырёхмерный символ: кривогранник, вращавшийся сам в себя. Значит, это не только знаки отсчёта, но и отметки пройденных испытаний. Чтобы попасть на Планету Ноль, нужно пройти ещё четыре?

Перед Фоксом родился сгусток света, тёплого и нежного. Он сиял умеренно и мягко, человек шагнул поближе, чтобы рассмотреть, но сияние сразу стало ярче, почти слепя, от него повеяло жаром и странным ощущением бушующей энергии, так, что даже волосы на руках встали дыбом.

Одиссей отпрянул назад, и свет заметно угас, а жар и ощущение энергии пропали. Хм. Детектив шагнул ещё дальше: руки слегка похолодели, а сгусток побледнел настолько, что внутри показалась смутно различимая фигура.

Свет слегка танцевал, красивый и манящий, и огромное количество игроков, не раздумывая, сунули руку, пытаясь нащупать, что же внутри. Это было инстинктивное и обманчиво-верное решение: ведь только что решительность и скорость действия оставила каждого из них в игре. Не успев подумать, они повторили предыдущее действие – и это стало их роковой ошибкой.

У Фокса инстинкты сразу восстали против того, чтобы совать в сгусток руку: именно потому, что новое испытание не

могло в точности повторять предыдущее – что бы это была за игра? Если в предыдущем испытании нужно было решительно шагнуть в провал, доказав готовность играть по-крупному, то здесь речь шла об опасностях Мира Ноль, ждущих впереди.

Так и вышло, миллионы торопыг, сунувших руку в сгусток, зажмурились от слепящего сияния, но реагировали в стиле: «Ага! Вот оно!», как будто чего-то нашли. Но тут же игроки стали вскрикивать, потому что сгустки резко выросли и пожирали их в ответ. Нет, проигравшие не умирали, их просто выкидывало из Игры, на этом этапе создатели были ещё милосердны. Но Древние хотели, чтобы игроки понимали опасность.

Умно, пронеслось в голове Фокса: те, кто не готов к угрозам, не пройдут в третий тур. Пройдут лишь осторожные. Направленный отсев.

Однако испытание зашло в тупик: двести миллионов нетерпеливых разом покинули игру, остальные поняли, что трогать свет нельзя – и застыли. Наступила пауза, никто не знал, чего ждать. Сейчас все, кто проявил осторожность, перейдут в третий тур? Шли секунды, ничего не менялось.

Одиссей уже догадался, что всё не так просто, ведь сунувшие руку в сгусток – нащупали тот смутный объект внутри; они восклицали в духе «нашлось!», и лишь потом исчезали в волнах взбешённого света. А раз там что-то есть – нужно стать одним из первых, кто поймёт, как достать и не быть

сожженным.

Человек протянул руку к сгустку – и свет стал слепящим; отступил – и сгусток угас. Чем ближе, тем ярче и жарче; чем дальше, тем бледнее и холоднее. Но как достать нечто, если свет готов поглотить тебя тем сильнее, чем ближе ты подносишь руку? Как быть, если свет мешает и стоит на пути?

Фокс закрыл глаза и повёл рукой вперёд-назад. С закрытыми глазами ничего не менялось: не становилось жарче, волосы на руке не вставали дыбом. Вот как. Влияние света зависит от того, видишь ты его или нет? Детектив вдохнул для уверенности – и резко вытянул руку вперёд.

Конечно же, там висел маленький куб, ведь испытание являлось переходом из четырёхмерной фигуры к трёхмерной. Фан-факт: у создателей Игры было чувство юмора.

Вынув куб, Одиссей стал шестнадцать тысяч семьсот четвёртым, кто догадался и успел пройти в следующий тур. Кстати, с самым первым их разделяло всего четыре с половиной секунды.

Их тут же отсекло от единства, чтобы они не могли подсказать остальным, и те проходили испытание сами. Оно длилось ещё примерно минуту, которая потребовалась миллионному игроку, чтобы безопасно достать куб. Фокс с интересом наблюдал, как действовали разные способы: кто-то снял одежду и накрыл ей сгусток света, это тоже сработало. Невидимый глазу, свет прекращал быть препятствием и угрозой. Хммм, интересный концепт. И вообще, с каждым

новым фактом Древние становились всё интереснее.

Символ куба повис перед миллионом игроков. Одиссей ощутил лёгкое напряжение от факта, что на уровне миллиона он уже играет в высшей лиге галактики, и его медлительный неапгрейженный разум может стать критическим недостатком... Но тратить время на размышления об этом он, разумеется, не стал.

Перед Фоксом возникли три объекта, каждый странный по-своему. Первым висел колючий звездогранник, его лучи торчали во все стороны, как у морского ежа, но не так плотно. Они были толще, чем иглы, и примерно одинаковых форм, однако немного изогнутые и со множеством выемок-вмятин по бокам. С одной стороны виднелось углубление: несколько торчащих лучей располагались ниже остальных.

Вторым объектом оказался маленький выгнуто-вогнутый клин, похожий на пирамидальную семечку с острым концом, какой-то невнятный и неброский. А третьей была спираль переменной толщины, витки которой поднимались снизу вверх, обрисовывая... довольно ровную сферу, незаполненную внутри. Верхний конец спирали смыкался в гладкую «шапку», а нижний слегка выгибался и торчал наружу.

Каждый объект выглядел неуловимо-притягательно и приятно: они были такого мягкого серого цвета с оттенком морской волны и с такой матовой поверхностью, что Одис-

сею хотелось взять их и погладить, рассмотреть. Прислушавшись к ощущениям единства, он понял, что форма у трёх предметов совершенно одинакова для всех игроков – а вот фактура, текстура и цвет для каждого свои. Секунду подумав об этом и ощутив новый прилив симпатии к странным штукам, Фокс догадался, что признаки зависят от того, какой ты расы, и объекты специально такие приятные, чтобы каждому хотелось взять их в руки. Это намёк от Игры, но для чего их брать?

Куб отсчёта, висящий в воздухе, мигнул. Ещё раз, неторопливо и плавно. Человек понял, что с каждым «мигновением» символ будет исчезать и появляться быстрее, пока не замельтешит с сумасшедшей скоростью, и раунд не закончится. Нужно успеть пройти испытание до того: кажется, у Фокса всего двенадцать-тринадцать секунд. Он мигом вспотел от напряжения: лучший детектив галактики, пятисотлетний долгожитель, такой особенный – как глупо будет проиграть сразу миллиону соперников! Впрочем, миллиону из двух с половиной триллионов... Ненужные мысли панически лезли в голову, но детектив умел с таким справляться.

Нужно выбрать один из трех объектов? Но какой из них правильный? Нет, это не может быть выбором, они не случайно все три одинаково притягательны. Фокс не особо разбирался в топологии, геометрии и механике, зато он умел экстраполировать, и его мысли бросились в сторону собственно Игры.

Если первое испытание было на решимость играть, а второе на понимание грядущих опасностей, то чему посвящено третье? Интеллекту? Да, в играх часто нужен ум. Но Фоксу подумалось, что игра, где выигрывают по умолчанию только самые умные – это не очень хорошая и правильная игра. Интеллектуальное неравенство, в том числе у разных рас, заведомо определяет, кому победить и кому проиграть. А Древние вряд ли создали такой грандиозный проект и позволили принять участие *каждому* – таким разным существам, – чтобы свести всё к тесту на IQ.

Нет, испытания должны быть более универсальны. Но чему тогда посвящён третий тур?

Много участников вокруг Фокса уже предприняли первые действия: кто-то выбрал один объект из трёх и пытался понять, что дальше; другие переставляли фигуры местами, третьи хватали и ломали, крушили их в труху!

Что если нужно выбрать не один объект из трёх, а все их вместе? Одиссея пронзило понимание.

Оставалось семь секунд, он схватил спираль, она должна идти первой. Затем звездогранник: вложить его внутрь спирали никак невозможно, в витках не было достаточного просвета, чтобы втиснуть звезду внутрь. Но Фокс вставил слегка выступающий нижний конец спирали в ту самую прореху в лучах звезды, и начал вертеть её по кругу, с восторгом наблюдая, как идеально они смыкаются, наползая друг на друга. Одно движение, другое – и звезда втиснулась внутрь.

Осталось пять секунд, в его руках лежала почти идеальная сфера, и было трудно поверить, что такое ровное и гладкое целое создано из таких острых, мятых и неровных частей. Мир часто парадоксальнее, чем кажется. На боках сферы шёл ровный ряд выемок, абсолютно идентичных, и конечно же, туда острым краем вниз вставлялся третий объект, то самое «семечко». Но оно было всего одно, а пустот куда больше!

Четыре секунды. Одиссей уже понимал, что это за испытание – оно на обманчивость восприятия и способность её преодолеть, на умение работать с парадоксами. Если у тебя нет нужной детали, чтобы завершить идеальную сферу... ты должен найти иной способ завершить её. Совершенно иной.

Фокс крутанул шар в руках, так быстро, как мог – тот плавно поднялся в воздух и замер, вращаясь сам, стремительно и ровно; первые мгновения выемки мелькали, но затем из-за скорости их стало не разглядеть – шар вертелся так быстро, что вращения стало не видно. Перед человеком зависла идеально гладкая и ровная сфера. То, что и требовалось.

Она исчезла, и Одиссей вошёл в первую десятку тех, кто прошёл это испытание. В первую десятку из апгрейженного миллиона! Впрочем, остальных не пришлось долго ждать.

Осталась тысяча кандидатов, и напротив каждого повис символ-квадрат. Похоже, это предпоследнее испытание:

в тур-линию пройдёт сотня, а в тур-точку – десяток игроков, и именно эти десять шагнут на Планету судьбы.

Под Фоксом развернулась широкая панель, и на ней стали понемногу рождаться крошечные зёрнышки-существа. Эти «мураши» роились вокруг маленьких муравейников, и с каждой секундой едва заметно прирастали в количестве. Муравейников было десять штук, все серые и похожие друг на друга, и развивались они совершенно одинаковым способом. Затем один из них разом поменял цвет и стал ярко-жёлтый. Фокс, не раздумывая, протянул руку к другому – который находился в нижнем углу, у самого края карты. Как только он коснулся муравейника, тот вместе со всеми мурашами стал синим.

Игроки один за другим осознавали, что участвуют в партии на десятерых: девять других – твои соперники, и лишь один победитель выйдет в следующий тур. Муравейники каскадом окрасились в разные цвета, каждый игрок определил, за кого он играет – и внутри общего единства на тысячу разумов появилось мини-единство на десять врагов, играющих против друг друга.

Но карта была совершенно ровной и пустой, а разницы в развитии мурашей не наблюдалось. «Значит, – сразу понял Одиссей, – мы сможем влиять не только на то, как развиваются наши подопечные, но и на то, каким станет ландшафт игрового мира».

Он коснулся пустого места на панели, и снизу возникла

полоса, на которой лежали: горка твёрдых ребристых ромбиков, горка мягких пушистых зверушек, блестящие самородки, углубление, полное отдельных прозрачных капель, словно застывших слёз, целая заросль маленьких то ли деревьев, то ли кустов и наконец аккуратные светящиеся энергоблоки. Ресурсы.

Каждого ресурса было ровно по тысяче, человеческие цифры светились рядом специально для Фокса. Он ткнул в капли и провёл пальцем по пустой карте недалеко от синего муравейника – и там появился водоём, вытянутое озеро, а количество слёз в его ресурсах уменьшилось вдвое. Не теряя ни секунды, Одиссей выбрал ромбики и потратил их почти все, чтобы воздвигнуть скалы, откусывая себе максимально возможный кусок карты и отгораживаясь от всех противников, защищаясь горами и уменьшая соперникам территорию для будущего развития. Свои свободные территории он обеими ладонями за секунду заповолил лесом – и ресурсы-кусты закончились.

Фокс был первым, кто догадался всё это сделать, но остальные увидели изменения на карте и тоже начали стремительно делить её с помощью гор, рек и лесов. Только двое замешкались, и сразу сало ясно, что плохой старт в этой игре – почти гарантированный смертный приговор. Им остались лишь огрызки территорий, ведь окружающие успели забрать себе и оградить большую часть.

Одиссей, не теряя ни секунды, разместил на своих землях

стада пушистых зверей (источник пропитания) и равномерно понатыкал залежи кристаллов, но не все, пару оставил на всякий случай. Мерцающие энергоблоки, похоже, были самым ценным ресурсом игры, но пока не ясно, для чего.

Крохи из синего муравейника моментально отреагировали на все изменения: они потянулись к воде, к лесам, к пушистым существам – и стали стремительно добывать все ресурсы. За десять секунд база разрослась вдвое, число крох увеличивалось на глазах. Родились более крупные мураши, составленные из двух зёрен и даже трёх. Составная форма жизни с блочным функционалом, интересно.

Фокс заметил, что мураши не добывают кристаллы, а лишь ползают по залежам; подумав секунду, он выбрал энергоблоки и затем коснулся своей базы. Угадал: открылось окно возможностей развития. По символам, адаптированным к восприятию человека, всё было чётко и ясно: вот иконка «изучить технологию добычи» (моментальный тык туда), вот «улучшенная охота» (тык, стоит в очереди), вот изучение оружия для атаки, улучшение защиты и так далее, и тому подобное. Дерево технологий тянулось в разные стороны, успевай осмыслять и выбирать. Но тысячи энергоблоков хватало только на изучение первых семи-восьми технологий. Надо понять, где брать энергию потом.

В центре карты уже рубились друг с другом: мураши разных цветов пересекались и начинали войну на истребление. Одиссей покачал головой, ведь он был первым, кто догадал-

ся о сути игры и отхватил себе лучшую территорию, сделал удачный ландшафт и начал развитие раньше остальных... но как минимум половина игроков теперь опережала его в мелких улучшениях и контроле. Их воины уже владели доспехами и метательным оружием, на базах строились укрепления. Всё потому, что многие игроки анализировали ситуацию, принимали решения и отдавали приказы быстрее, чем Фокс. А ведь он был умный и опытный человек, просто его старомодный мозг без апгрейдов начинал проигрывать гонку.

Главное, что он заметил: уничтожая вражеских существ и разрушая их строения, захватывая их территорию, победитель получал небольшие порции энергоблоков, нужных для технологического развития. Порции были маленькими, чтобы не привести к лавинообразному росту силы игрока, которому довелось победить в одной стычке в одном месте карты. Но энергия медленно копилась, и победы были единственным способом добыть самый ценный ресурс.

Это было сколь логично, столь же и безжалостно. Война на уничтожение в реальном времени, где истребление твоего народа означает твою смерть в игре.

Следующие минуты слились в нарастающий калейдоскоп, шею и спину медленно охватывала пульсирующая боль. Секунды убегали в лихорадочном управлении стремительно растущей армией и усложнявшимся арсеналом возможностей и элементов. Чем сложнее становилась игра, тем больше

Одиссей не успевал за тройкой сильнейших игроков: Красный, Оранжевый и Жёлтый. Желтый уже почти уничтожил Зелёного, когда Одиссей только начал столкновения с Пурпурным.

Первые минуты Фокса и его маленький народ держало в лидерах и в безопасности то, как быстро и правильно он понял сущность игры и распорядился своими ресурсами, чтобы отгородиться от ранних угроз и забрать себе максимум пространства и ландшафта. Выставленные племена зверей сами собой размножались и распространялись по широким лесам, и это, независимо от действий Одиссея, создало богатую ресурсами живую среду для его мурашей. Рано выставленные месторождения, оказывается, тоже со временем «дозревали», добытые самородки начинали попадаться крупнее и ценнее. Мураши Фокса питались до отвала, и потому среди его народа часто рождались «гиганты»: существа из трех-четырёх зёрен – они были явно сильнее и способнее мелкотни.

Синие горы поначалу стали почти непреодолимым препятствием и защищали народ Фокса и его территории от посягательств; не всем из остальных игроков удалось отгородиться горами, потому что самые быстрые и агрессивные соперники предусмотрительно протянули по карте длинные реки. Горы поверх них уже не ставились – и это позволило агрессорам в скором будущем проникнуть на территорию противника вплавь. Поэтому стычки в центре карты начались раньше, чем по краям. Там и конкуренция за ресур-

сы была выше, в связи с большей плотностью соперников – именно поэтому Фокс сразу выбрал себе закрытый угол.

Но горы не гарантировали защиту надолго: уже на четвёртой минуте игры Жёлтый игрок освоил технологию переработки горных блоков, получая при этом серую пыль, новый строительный ресурс. В итоге он смог и улучшить инфраструктуру, и добираться до территорий врага через вырытые каньоны, оккупировать их залежи кристаллов, увеличивая свой доход.

На карте игры одновременно происходило множество событий. Кто-то пытался защищаться и ушёл в глухую оборону, изучив соответствующие технологии, которые понемногу увеличивали ресурсы внутри закрытого анклава – но довольно медленно. Кто-то выбрал агрессивную стратегию, однако не рассчитал силы и проиграл: уже практически вылетели Зелёный и Коричневый, их базы уменьшились до начальных, а от земель остались клочки. Кто-то использовал агрессию идеально и развивался быстрее остальных, это как раз были те самые Желтый, Оранжевый и Красный. Одисей шёл вслед за ними, потому что его никто не трогал и у него был самый лучший старт. Но не воюя, он не зарабатывал энергоблоки, и когда стартовые закончились, это остановило его технологический прогресс.

В игре не нашлось технологий для дипломатии или сотрудничества, всё было направлено на взаимное уничтожение – ведь в следующий тур пройдёт только один. Однако

Фокс понимал, что кроме явных игровых механик существуют неочевидные мета-игровые.

Выше них с Пурпурным активно развивался Красный игрок. Он только что начал войну с Оранжевым, и ему было стратегически выгодно отхватить кусок территории от достаточно неагрессивного Синего народа Одиссея, который вкладывался в добычу и рост, а не в завоевание, и не мог оказать достаточно серьёзного сопротивления.

Быстро осознав, что Красный не избежит соблазна вторгнуться к нему, Фокс взял остатки своих кристаллов и внезапно разместил их на территории будущего врага. Тот уже двигал первые силы в его сторону и даже отпочковал от основного муравейника второй поменьше, чтобы установить на границе синих гор свою базу. Но после такого жеста доброй воли Красный почти сразу отвёл войска к оранжевым горам и установил базу там. Ведь он без боя получил то, на что собирался потратить силы – так что теперь напал на Оранжевого всем, что у него было.

Одиссей с облегчением перевёл дух: отсрочка куплена, посмотрим, кто из агрессоров победит.

У него тем временем сложилась лучшая экономика и самое здоровое и многочисленное население, и он давил Пурпурного игрока за счёт своих «гигантов», общей сытости и здоровья синих мурашён. Пурпурный реагировал быстрее и управлял элементами игры лучше Фокса – как и почти любой гражданин галактики с апгрейдами и прошивками пер-

вого или высшего класса. Но он неумолимо проигрывал человеку по двум причинам: слишком удачный старт Синего и его наблюдательность, а затем находчивость в принятии верных решений.

Одиссей раньше всех догадался, что мурашей можно скрещивать друг с другом, осуществляя селекцию. Он первым увидел, что тройные мураши получают специализацию добытчиков, двойные остаются в собирателях, а четверные становятся сильнейшими воинами. Поняв это, Фокс заставил всех четверных мурашей собраться на базе и размножиться – после чего они породили несколько четверных и одного небывалого пятиблочного гиганта. У других игроков ещё не было «пятёрок», а оказалось, что это могучие и умные вожди. Синий вождь начал действовать самостоятельно: отпочковал от основной базы маленький муравейник и ушёл выше, заложив базу для будущего могущества.

Одиссей создал ещё одного такого же, благодаря своему мирному и защищённому развитию, но после бросил все силы на агрессию и войну. Ударными группами из четверных бойцов с двумя вождями Фокс сокрушил Пурпурного, а Голубой и Красный с разных сторон дожрали земли и ресурсы проигравшего. Зелёный и Коричневый тем временем выбыли из игры.

Оранжевый проигрывал Красному, Желтый начал войну одновременно с Голубым и Салатовым. Бордовый в верхнем углу уступал кусок за куском земли Голубому. Через минуту

от Бордового и Фиолетового ничего не осталось. Красный и Жёлтый всё росли и росли, они поглотили почти всех мелких и уткнулись друг в друга, Голубой забился в угол и ушёл в глухую оборону.

Одиссей получил новые энергоблоки, и едва успевал решать, куда направлять развитие. Он больше не мог балансировать между экономикой и вкладом в будущее. Чтобы выжить и поспеть за оставшимися агрессорами, Фокс должен был прямо сейчас что-то завоевать. Он мог вторгнуться в бок Салатовому, но понял, что даже если урвёт себе кусок, получит не так много. Одиссей собрал все свои силы и вошёл в земли Красного.

Жёлтый тем временем получал энергоблоки быстрее всех и достиг предела технологического развития, последняя технология позволила ему ускорить передвижение всех войск. Он за минуту произвёл ошеломительный марш-бросок своих армий на Голубого, и тот перестал существовать.

Красный был хорошим стратегом. Увидев войска Одиссея, он отвёл свои и ударил по оставленным территориям Жёлтого. Это был правильный ход: два лидера неминуемо столкнутся уже скоро, и выгоднее нанести удар первым, пока армии Жёлтого отведены в верхнюю часть игрового мира. При этом он жертвовал часть своей земли Синему, но получал больше. А Одиссей, увидев знак союза от игрока, по отношению к которому раньше совершил союзное действие сам, захватил оставленные земли, но дальше не пошёл, а пе-

реключился на Салатового.

Прошло ещё две минуты – и в игре осталось трое.

Красный проигрывал Жёлтому, но едва-едва, война шла на грани, два по-настоящему сильных и быстрых стратега совершали стремительные размены и перегруппировки, успевая и вести развитие всего своего народа, и руководить вручную чуть ли не каждым мелким мурашом! Одиссей, отстающий от Красного совсем немного, тем не менее, с каждой минутой всё яснее осознавал, что ни того, ни другого врага, явно превосходящих его в скорости и мере стратегического контроля, ему в итоге не одолеть.

При этом все три народа и игрока оказались в патовой ситуации.

Жёлтый поставил энергоблок на территорию Одиссея. Ясный и недвусмысленный жест: давай разделим Красного. Но Фокс знал, что это заведомое поражение: Жёлтый получит большую часть ресурсов Красного и получит больше энергоблоков, а затем с превосходящим интеллектом и силами легко победит Синего и закончит игру.

У Красного вариантов было не больше: он мог отступить от Жёлтого и попытаться победить Одиссея, но всем было ясно, что, даже превосходя его как управляющий и стратег, он просто не успеет.

У Фокса было три выбора. Первый: ждать исхода войны, участвовать в ней по минимуму и копить силы, – но он не сомневался, что в итоге проиграет. Второй: напасть на Крас-

ного – тоже проигрыш, Жёлтый разнесёт ослабевшего победителя ещё быстрее. И третий вариант: выдвигаться наверх карты всеми силами, сражаться против Жёлтого вместе с Красным, пытаясь развиться как можно сильнее и при этом потерять как можно меньше – ведь его армии были всё же вторичной ударной силой, и первичный ответ Жёлтого пройдёт по красным мурашам. Это был очевидно самый лучший выбор, при нём у Одиссея появлялся шанс.

Человек потянулся к единству, в котором осталось лишь трое игроков – чтобы узнать, кто они.

Красный был профессиональным военным, Фокс нервно хмыкнул, увидев гепардуса в форме и с таким количеством аугментов, от которого до киборга оставалась пара шагов. Штабной стратег в отставке, Ррынис Ворск был решительным, угрюмым и максимально хладнокровным бойцом.

А Жёлтым агрессором и лидером по большинству параметров оказался маленький, тщедушный крулианец. Две полоски его тела сплелись в спокойном неплотном узоре, небрежном, а ещё он курил трубку, пыхтел, как ни в чём не бывало. У змея не было ни единого технологических апгрейда, а вот прошивки, судя по скорости реакции и количеству одновременных потоков восприятия, топовые.

Блёкляя чешуя и потускневшие роговицы выдавали возраст – змей был уже стар, но его маленькие глазки блестели такой концентрацией яда, которой отродясь не водилось в клыках. Высший магистр космической археологии, пре-

зрительный и колкий директор института перспективных исследований, мастер Свийс испытывал к двоим оставшимися врагам большой интерес. Как к милым, слегка недоразвитым зверушкам.

Заметив внимание человека, крулианец свил себя в вежливое кольцо и прошипел:

– Вы ужжете можжете ссдавацца, молодой человек. Шахус и матус в пять ходов, если вы понимаете, о чём я.

Молодой человек вздохнул.

Две минуты они вместе с Красным выходили на позиции, пытаясь скоординировать действия, но у них плохо получалось, потому что Жёлтый мастерски менял диспозиции и наносил быстрые и точные удары в ответ. Все трое полностью потратили энергоблоки, и Фоксу с Рынисом не хватило на технологию быстрого передвижения. Их армии уступали в мобильности, хотя заметно превосходили в числе.

И грянула последняя война на истребление, мураши пошли брат на брата, потоки Синего, Красного и Жёлтого смешались, как в нелепом калейдоскопе или трагически драном макраме.

У Фокса слегка плыло перед глазами, спина и шея пульсировали, охваченные огнём, а голова гудела, как пустой торпедный отсек, но он стойчески терпел боль и принимал решения в таких количествах и с такой скоростью, что поразил сам себя. Но этого оказалось недостаточно.

Жёлтый за три минуты одолел два главных войсковых

объединения Красного, не дав Синему получить слишком много, когда их вожди разобрали чужие владения на части.

Гепардис посмотрел на человека, сделал знак уважения, подходящий для гражданских лиц, и передал остатки своих ресурсов и земель синей армии, а последними из красных мурашей уничтожил столько инфраструктуры и армий Жёлтого, сколько сумел. Одиссей успел захватить главную базу своего союзника-врага и получил за это крупную партию энергоблоков; он сразу освоил технологию быстрого движения и высшую технологию управляемой рождаемости.

Синий и Жёлтый остались вдвоём.

И если Одиссей думал, что перед этим было сложное и напряжённое сражение, он только сейчас понял, насколько ошибался и насколько комплексное, полное тонкостей и нюансов, не прощающее ни малейших ошибок противостояние ждёт его впереди.

Он сражался лучше, чем когда-либо в своей жизни, совершал неожиданные и творческие ходы. Всё, что крылось в таланте, фантазии и опыте Одиссея, он проявил в этой игре. Благодаря технологии управляемой рождаемости в его армии появилось двое семиблочных мурашей: гигантские медленные сокрушители, они были сильнее остальных воинов в игре.

– Похвально, похвально, – прошипел Свийс, проиграв третье сражение подряд.

Но его отступающие вниз войска окружили и перерезали

две логистических артерии Синих, ведущие с юга на север. Центральные армии Фокса оказались без поставок, и он понял, что проигранные бои были приманкой настоящего стратега, которая позволила его войскам отступить в нужные регионы. Бледный Фокс ощутил, как дрожат руки и бессилие растекается по измученному телу: он сделал всё, что мог и даже больше... но этого оказалось мало.

– Упорство, достойное лучшего применения. Впрочем, от каждого по способностям, вы и так себя превзошли.

Фокс сжал зубы и продолжил игру, минуты тянулись тяжело, как будто сверху навалилась гряда камней, которая росла с каждым шагом. Схватка со змеиным стратегом, который слегка уступал Фоксу по размерам и силе армии и не имел двух семиблочных бойцов, но превосходил по территориям и притоку ресурсов – была бы схваткой двух равных врагов. Но крулианец мыслил быстрее и, главное, благодаря прошивкам физически тратил на мышление меньше сил. А Фокс устал от невероятного темпа, глаза болели от постоянной концентрации на мелких деталях; он совершил одну за другой две ошибки, каждая из которых немного увеличила преимущество врага.

– Печально, ффух, на это горешно шмотреть, – посочувствовал Свийс.

Но человек продолжал бой, и у него было маленькое, но важное преимущество: умение находить необычные ре-

шения. Благодаря таланту мифотворца, Одиссей в поисках правды придумывал потрясающие истории, которые часто оказывались истиной, а иногда даже чем-то большим. Его соперник не обладал этим свойством, это был циничный и ядовитый змей, которым руководили только презрение и расчёт. Воображение было ему непонятно и не близко. Именно эта разница, вместе с несгибаемой волей Фокса, испытавшего в своей жизни практически всё, что можно испытать, давала ему надежду. Он продолжал драться до последнего.

Поэтому пять тяжелейших минут спустя, крулианец распрямился, удивлённо посмотрев на детектива, и произнёс:

– Какая выдумка. А ты неплох, шеловек.

И добил последних синих мурашей.

Ноги не держали Одиссея, он сел на пол, не веря, что всё кончено.

Он не прошёл в четвёртый тур. Единство выветрилось из головы, и его выкинуло из Игры.

Тишина.

Только мстительная боль спины и поясницы, пульсирующая шея и резь в голове – они с удовольствием заполняли опустошение, накрывшее Фокса. Проигравший хотел встать, но не было сил.

– Ана? – спросил он в пустоту.

– Изолировалась от всех контактов и не покидала комнату, – мягко ответил Гамма.

Это порадовало Одиссея: значит, она ещё не проиграла.

– Фазиль и остальные?

– Отправились в торговый стационар этой системы сразу по нескольким делам: договориться о продаже стада шикарисов, забрать накопления Трайбера из его схрона, а затем подключиться к бирже кластера и инвестировать новые средства. Вернутся не скоро.

– Пить...

Одна из тележек подкатила к Фоксу и вручила Кружбан; холодная вода слегка привела детектива в чувство.

– Ничего не кончено, пока оно реально не кончено, – прошептал Одиссей.

Ведь у него были старые покровители, почти столь же сильно заинтересованные в изучении Древних, как и он сам. Фокс вынул из кармана инфокристалл.

Вызов прошёл так быстро, будто на том конце держали открытый канал связи и ждали запроса. Сверкающая друза возникла прямо перед Фоксом и подмигнула россыпью зелёных бликов.

– Слушаем, – мелодично прозвенел невесомый хрустальный хор.

– Я считаю, что создатели Мира Ноль были пятимерными существами. По меньшей мере, они были способны воспринимать пятимерность.

– Допустим, – не удивились циоры. – Последние данные с Игр Древних, в которых вы только что поучаствовали, Фокс

Одд, подтверждают этот вывод. Так что наш центр и наша левая часть с вами согласны, а правая... пока не спорит.

– Сайны тоже были пятимерными существами, это установленный факт. Из всего, что нам известно, выходит, это две расы – единственные с настолько высоким уровнем восприятия. Не может быть совпадением, что именно они создали две самых высокоразвитых цивилизации. А потом обе исчезли.

– И вы смело предполагаете, что сайны и Древние были связаны, мистер Одд?

– Да. Я думаю, что Мир Ноль и его игры связаны с Сердцем истины и деятельностью сайн.

– Это смелое предположение. Все три наших части считают его таким желанным... но недостаточно обоснованным.

– Зато у вас более чем достаточно денег и иных рычагов, чтобы прямо сейчас выйти на связь с сотней финалистов и выкупить ключ одного из них, – быстро проговорил Одиссей. – Он покинет единство, а я войду в Игру вместо него, используя ключ.

– Ваша мотивация ясна, – сверкнули кристаллы. – А что насчёт нашей?

Это был кокетливый и формальный вопрос, ответ на него цюрицы знали заранее. Они просто хотели, чтобы детектив озвучил его. Расчётливые и безэмоциональные, кристаллы доверяли Одиссею Фоксу почти как самим себе. Уже три раза он безупречно выполнял важнейшие миссии для «Кри-

стальной чистоты», каждый раз с большим риском – и с огромной пользой для корпорации. В табели о рангах циоров этот старомодный человек был одним из ценнейших инструментов, и Фокса не оскорбляла эта классификация, она ему льстила.

– Нас с вами интересуют одни и те же вопросы. Что бы ни случилось на Планете Ноль, я постараюсь раскрыть тайны и поделюсь с вами всем, что узнаю. А если мне повезёт... Знаете, своевременная инвестиция в победителя Игры может стать лучшим вложением в истории вашей корпорации.

Циоры молчали, лишь цветные отблески скользили по граням колонии кристаллов.

– Этот интересный гамбит может и вовсе не сложиться, – заметили они. – Если Мир Ноль не примет одного игрока по ключу другого, мы просто потеряем средства.

– Примет, – слабо улыбнулся Одиссей. – Потому что умение найти скрытую лазейку в правилах – тоже часть игры, а Древние ясно дали понять, что воспринимают своё творение всерьёз. В любом случае, даже не обладая вашими прогностическими мощностями, рискну предположить, что риск оправдан.

– Так и есть, мы уже посчитали, – хихикнула правая половина колонии; левая и центр пока думали.

– Время, – напомнил человек.

Чисто по статистике игра с боевыми мурашами у многих групп завершилась не так быстро, как у Фокса. Часть партий

ещё длились, но даже самые затяжные скоро закончатся.

– Не беспокойтесь, мы уже вышли на связь с шестерыми и ведём переговоры, – беззаботно откликнулись кристаллы. – С девятерыми. Ну и запросы! Хотя они оправданы.

– Не сомневаюсь.

Каждый из тех, кто умудрился войти в сотню счастливицков из всей галактики, мог обналечить это невероятное достижение и получить небывалый приз. Нельзя предвидеть, что ждёт тебя на Планете Ноль – а вдруг гибель? Не обязательно рисковать и испытывать судьбу, ведь пройдя в финал, ты уже победил! Вполне разумно обменять ключ участия на огромную сумму денег, так рассуждал Фокс. Но жизнь оказалась ещё интереснее, потому что одному из кандидатов ни деньги, и ни иные виды оплаты были не нужны. Ему хватало целесообразности.

– Айн Познатель-16-Парадокс спрашивает, – прошелестели циоры. – «Почему я должен уступить своё место именно вам, Фокс Одд? Почему вы лучше меня подходите для познания тайны Древних и Мира Ноль?» В ответ мы охарактеризовали вас как выдающегося интуита с чутьём, превышающим разумную статистику, к тому же, уже имевшего прямой опыт взаимодействия с артефактами вымерших рас.

Было видно, как высоко циоры ценят детектива в помятом свитере.

– Но такая характеристика кажется достаточно фрагментарной, – возразил левый бок кристальной колонии. – А что

вы сами скажете?

Фокс на секунду прикрыл глаза, стараясь найти не просто правильный, а истинный ответ, потому что от этого в данный момент зависело всё.

– Ветер знает, что ему не под силу сдвинуть гору и написать портрет, – сказал он.

Секунды хрустальной тишины.

– С нашей многогранной точки зрения, Фокс Одд, – весело прокомментировали кристаллы, – у вас больше шансов на победу в игре, чем у Парадокса, из-за того, что он слишком привязан к логике и функциям абстрактных систем. Ваша оперативная мощь неизмеримо ниже, но ваш опыт, бахрома взглядов и разнообразие способностей куда шире, чем у айна. Вы принимаете верные решения не благодаря данным, а вопреки. Поэтому вы можете преуспеть в более разноплановых испытаниях, чем он. Собственно, вы об этом и сказали своей метафорой. Мы думаем, что Парадокс это понимает.

Тишина длилась и длилась, Одиссей закрыл глаза, чтобы вернуть концентрацию и собраться с силами. Внезапно воздух вокруг Одиссея вспыхнул и разлился метаузором стремительных потоков. Вихри внутри циклонов, циклоны внутри атмосферных фронтов, тысячи рвущихся куда-то ветров – гармония противоречий. Айн во всём великолепии непостижимой для человека сложности раскрылся вокруг Одиссея бледной маленькой визиограммой, слабым отсветом сво-

ей истинной красоты. Но и она завораживала и впечатляла.

По всему пространству Мусорога прошла вибрирующая ветряная песнь:

– Мои скорость и мощностъ далеко превосходят твои, человек, – эхом звучал Познатель-16-Парадокс. – Но по сравнению с мощью Древних они точно так же малы и ничтожны.

Вихри менялись, вливаясь друг в друга и растекаясь уже другими, перерождаясь на ходу.

– Однако твоё мифотворчество не имеет пределов: ты можешь не только осознать правду, которая есть, но и вообразить истину, которой нет. И в этой почти безграничной способности ты превзойдёшь меня... а может, даже приблизишься к Древним.

Ослепляющий поток ветра дул Одиссею прямо в лицо.

– Моё базисное стремление познавать сильнее личностного стремления сделать это самому. Лети, человек.

Всё разом стихло и оборвалось, айн рассеялся и исчез.

– Познатель-16 согласен уступить вам ключ, – хор кристаллов прозвучал, как ангельский хорал. – Передача состоялась. Вы не сможете воспроизвести ключ айна, он слишком сложен для человека, поэтому мы залили его в ваш коммуникатор. Поднимите его повыше и очертите круг, затем резко перечеркните его, инфокристалл сделает всё остальное.

– Шестнадцать входящих запросов, – сообщил Гамма. И не дожидаясь вопроса, уточнил. – Три корпорации и два

частных лица хотят выкупить ваше право участия в финальном испытании... за невероятные суммы. Ещё четыре корпорации предлагают огромный спонсорский пакет в обмен на упоминание их продукции и бренда. Остальные...

– Время! – громко пискнули кристаллы, Гамма всё понял и замолчал.

Одиссей резко опустил руку, перечёркивая круг.

– Пожелайте мне удачи, – улыбнулся он, – она точно понадобится.

– Желаем удачи! – воодушевлённо звякнули циоры, и связь прервалась.

Единство пронизало человека, и у того едва не выступили слёзы торжества.

Он вернулся в Игру.

Глава III Пролетая над бездной

Перед ним висела ровная линия – там, где недавно был квадрат, а чуть раньше куб. До Планеты судьбы остался один шаг, Фокс всеми правдами и неправдами оказался в сотне лучших из двух с половиной триллионов. Но сейчас начиналась решающая схватка – и «сто» было невероятно смешным числом, ведь за каждым в этой сотне стояли миллионы достойных, которых они умудрились обойти.

Интересно, сколько из финальной десятки будут в итоге представлять интересы тех или иных сил, от корпораций и даже до звёздных империй, которые спохватились и активно включились в гонку за уникальный приз?.. Пока этот вопрос оставался риторическим.

В воздухе бесшумно раскрылся серый портал: угловатый и многогранный, он выглядел скромно и даже невзрачно, но от его вида у многих по коже пробежал мороз, распушились вибриссы, набухли ганглии и сжались закрылки. До сих пор испытания шли на территории игроков, теперь Древние приглашали оставить безопасный дом и шагнуть в неизвестность – туда, где может случиться что угодно, включая смерть.

Одиссей ощутил волны чужого страха, опасений и сомнений, прошедшие по единству. В оставшейся сотне претендентов было легко уловить все яркие всплески: испуганное

колебание и железное спокойствие, расчётливую готовность, одинокое смирение, а ещё звериную радость и жажду схватки насмерть.

Схазму переполняло предвкушение: уже скоро она встретит противников лицом к лицу и сможет уничтожать их, не защищённых правилами слишком милосердных Игр. Готовность убивать, чудовищная уверенность Схазмы в своей силе и абсолютной правоте внушали трепет. Неужели кто-то из сотни испугается и отступит сейчас? Подойдя так близко к Планете судьбы?

Митайни с планеты Кодар, ранцелла-математик, рыдала, что не продала своё место корпорации DarkStar за предложенные сто миллионов энзов, о, глупая гордость и наивная вера в себя! Теперь было поздно, она боялась идти в портал, страх уже победил: Митайни хотела сдаться и выйти из игры...

В сером многограннике напротив Фокса появилось светящееся синее число. Десять. Девять. Восемь. Он усмехнулся и шагнул в портал.

Ночное небо наполнилось мириадами звёзд, мерцавших, как живой организм. Планета Ноль плыла в самом центре галактики, и невиданное буйство туманностей заполняло небосферу. В любой другой день Одиссей бы остановился, любясь красотой – но сегодня звёзды были лишь торжественным обрамлением к битве, которая вот-вот начнётся.

Вокруг расстилась пустынная равнина из окаменевшей слякоти, покрытая тонким слоем воды; все красоты и богатства звёздных небес отражались в ней, удвоенные и бесконечные. То тут, то там из воды выглядывали неровные тоненькие островки и архипелаги, напоминавшие тёмную бахрому, разбросанную по многоцветной глади. Казалось, весь этот мир обратился в жидкую грязь, умер и закаменел, а затем покрылся тонким слоем воды и стал мемориалом самому себе.

Однако там, где возникли игроки, равнина была расколота – обрезанные стены уходили вниз, и девяносто восемь претендентов повисли над пропастью на девяносто восьми двойных каменных платформах. Двое из ста отказались и не вошли в портал.

Сильный ветер проносился над безвидной землёй, он бы смёл Одиссея с места, однако бледное защитное поле облегало каждого из игроков и держало на поверхности диска, парящего над бездной. А под ногами, в глубине кратера, вздулся нарыв пространства: маленькая и жадная чёрная дыра. Она была абсолютно бессветной, совсем как Чернушка, только неживой, и при взгляде вниз даже смелым становилось не по себе, ибо всему живому страшно смотреть на непреодолимую смерть.

Дыра ненасытно тянула воздух, оттого над равниной и бесновались ветра. С краёв разлома рушились водопады, они изгибались к центру, притянутые червоточиной, и падали в

неё, но не могли достигнуть, лишь вливались в светящийся шлейф из воды, звёздного света и воздуха, сияющим ореолом растянутый вокруг чёрной дыры. Капли воды вытягивались в сверкающие нити, затем задняя часть каждой нитки догоняла передний край, и капля врезалась в горизонт событий, замирая там навсегда, не в силах преодолеть финальную границу невозврата – или просто так казалось внешнему наблюдателю.

В общем, окружение чёрной дыры вело себя, как и ему положено вблизи сверхмассивного объекта, который своей гравитацией замедляет само время. Но вся мощь дыры никак не трогала окаменевшее тёмно-серое тело планеты. Вокруг не нашлось ни единого камня и ни одной песчинки, словно застывший Мир Ноль был нерушим и неделим.

Сочетание красоты и жуткости этого места производило впечатление. Все поняли, что от бездны их отделяют только висящие в воздухе двойные платформы – и почти все догадались о сути игры, которая вот-вот начнётся. Кто-то содрогнулся и сглотнул, а кто-то оскалился. Одиссей спешно оглядел ближайших соперников, потому что от понимания сущности каждого из них зависело, победит он или упадёт в чёрную дыру.

Ему было хорошо видно лишь шестерых, дальнейшие тонули в ночной темноте и в переливчатых отблесках воды и небес – так было задумано, чтобы каждый игрок мог взаимодействовать только с теми, кто рядом.

Лучший. Зеар из кошачьих рас с могучей львиной гривой, поджарый, мускулистый и молодой (хотя по едва уловимым признакам Одиссей понял, что – старый). В новом синтетическом теле, богатый и улучшенный до предела. В его облике сквозило неявное, но неистребимое превосходство и презрение к тем, кто хуже, то есть почти ко всем. Практически наверняка все предыдущие испытания прошёл не он, а максимально раскоченный интос, живущий в его голове, однако Лучший не знал, что на Планете судьбы его ждёт сюрприз: сюда попадает только сам участник, без дополнительных личностей и субличностей. Так что здесь он остался сам по себе.

Хитрый. Гаджит в левикресле, щуплый гуманоид с большой головой и тремя полушариями мозга, с хитрым прищуром и полосой кругового сканера вокруг головы. Наверняка он видит на один ряд платформ дальше остальных и сможет взаимодействовать с большим числом игроков.

Разрушитель. Высокий чёрный гуманоид неизвестной расы, вырубленный из камня и алеющий прожилками лавы, с демонической короной обломков-рогов. Весь его облик, поза и пылающий взор внушали агрессию и неустранимость. Он казался представителем неразвитой и дикой расы, как же такой сумел пройти предыдущие испытания?

Хрупкая. Фууми, изящный крылатый стеклопод, похожая на бабочку или стрекозу из живого дутого стекла. Испуган-

ная и трепетная, она озиралась вокруг с ужасом и восторгом, а прерывистый огонёк её разума светил в глубине стеклянистых слоёв.

Стратег. Алеуд с шестнадцатью рогами и множеством резных колец с символами самых разных достижений возвышался над своей платформой, властный и упрямый. Его слезящиеся глаза смотрели цепко и внимательно, в них не было превосходства: умный не станет недооценивать тех, кто прошёл в последнюю сотню.

Цивилизованная. Женщина-кифоид с надутой внешней шкурой и в технологичном защитном облачении: скафандр поверх «скафандра». Вокруг неё было и личное защитное поле высшей категории, впрочем, этим могли похвастать многие из прошедших в сотню претендентов. Как ни старались Древние сделать участие и победу в играх доступной для максимального спектра игроков, у самых технологически развитых всё же были преимущества. Женщина делала знаки всем вокруг, пытаясь начать диалог. Типичный гражданин Содружества.

Каждый видел две-три платформы, до которых было далеко другому игроку, и не видел тех, кто ближе к нему, — так возникало сочетание разных подмножеств, которые сливались в общее множество. Одиссей успел оглядеть соперников и прикинуть типаж каждого, когда по чёрной дыре прошёл бледный всполох и спазм, она страшно дёрнулась, и всю

планету тряхнуло вместе с ней.

Испытание началось.

У каждого претендента появилась маленькая синяя звезда, у гуманоидов она возникла прямо в ладони левой руки – Одиссей чувствовал сжатую мощь, которая хотела вырваться на свободу.

Тут же перед ним замерцали четыре смутных образа – их не было в реальности, только в его сознании, – и они гласили: *Нападать; Защищаться; Копить силы; Отдать звезду.* Четыре выбора.

А в самом центре кратера, выше платформ, загорелся большой светящийся шар, который стал таять и уменьшаться сверху вниз, показывая, сколько времени осталось для принятия решения. Все поняли, что это таймер, – в сотне лучших не осталось тугодумов. И длина раунда, усреднённая по биологической реакции всех участников финальной игры, составляла примерно девять секунд.

– Союз! – крикнул Хитрец-гаджит, вскидывая руки в знакомом любому человеку жесте «я не опасен». – Союз, друзья!

– Согласна, – тут же просияла Цивилизованная женщина. – В игре побеждают десять из ста; если мы объединимся и не будем нападать друг на друга, а копить звёзды хотя бы два раунда, то станем непобедимы; это лучшая страте...

– Ррааагх! – яростно рявкнул Разрушитель, все поняли, что его раса не входит в Великую сеть и не имеет автопере-

вода. Но по его виду и устремлению всё было ясно и так.

– Агрессивный! – рыкнул Лучший-зеар. – Уничтожим его.

Алеуд молча кивнул, причём, так, чтобы любой мог трактовать его действие как согласие с ним. Одиссей промолчал, стараясь быть максимально невзрачным, и выбрал один из четырёх вариантов.

– Жидкие, – переливчато пропела стекловидная бабочка, свет разума трепетал в глубине её хрупкого тела. – Смерть вам.

Три, два, один – большой светящийся круг стёрся, время раунда истекло. Чёрная дыра страшно содрогнулась, и всё вокруг вместе с ней. Платформы чуть сдвинулись к червоточине, они дрожали, словно изо всех сил сопротивлялись притяжению и едва могли устоять.

Пространство прочертили десятки ярких брошенных звёзд и гаснущих шлейфов: каждый, кто выбрал *нападение*, получил ещё одну звезду, и она метнулась к указанной цели. Часть звёзд ударились в невидимые щиты, которые возникали в самый последний момент и защищали платформы – у тех, кто выбрал *защиту*.

Разрушитель метнул сразу две звезды: ту, что получил за нападение и ту, что была дана изначально: обе прочертили воздух и врезались в платформы Цивилизованной, одну звезду встретил и распылил щит, но от второй атаки щита уже не было, и звезда достигла цели. Вспышка, взрыв, женщина вскрикнула, её нижнюю платформу разнесло вдребез-

ги, хотя сама она была невинна.

Две платформы – две жизни, понял Фокс. И кроме основного действия, в раунд можно применить заранее накопленную звезду.

Атака властного зеара врезалась в Разрушителя, осколки нижней платформы брызнули вниз, а черно-каменный яростно заревел, и прожилки лавы в его теле ярко заалели, наливаясь расплавленной кровью. Атака Хрупкой ударила в Хитреца, не встретила щита и разбила одну платформу.

– Ай! – испуганно завопил гаджит. – Сучка!!!

В руке Одиссея возникла вторая звезда, потому что он выбрал копить силы, и, судя по отсутствию событий, то же самое сделали Хитрец-гаджит и Стратег-алеуд.

Все эти события произошли одновременно и заняли пару секунд; но в самом конце Стеклянная мелодично рассмеялась и метнула в Цивилизованную ещё одну звезду. Мгновение царил тишина, в которой все отчётливо слышали задушенный вздох женщины; звезда врезалась в неё, вторую платформу смело, и дочь Содружества, лишённая опоры, рухнула в чёрную дыру.

Она закричала в страхе и непонимании: как же так, ведь стратегии взаимного ненападения самые оптимальные, нужен цивилизованный диалог, я же никому не сделала зла, за что?! – всё слилось в коротком болезненном вскрике-всхлипе, но жадный зев червоточины схватил женщину и рывком утащил её вниз. Вопль за секунду исказился и стих.

Вспыхнул шар нового раунда, и он стирался чуть быстрее: за восемь секунд. С каждым раундом времени на переговоры и принятие решений будет всё меньше.

– У меня две звезды! – взвизгнул Хитрец. – Одну тому, кто спасёт!

Зеар торопливо указал на Разрушителя и прикрикнул:

– Опасный! Бьём его!

Алеуд степенно кивнул, Одиссей промолчал, но прямо и неотрывно смотрел Стратегу в глаза, пока тот не заметил. Мгновение бегемот размышлял, затем едва заметно смежил веки.

– Жидкие бьют твёрдых, – неодобрительно пропела бабочка, плавно жестикулируя шестью тонкими ручками и обращаясь к чёрному каменному собрату. – Отвратное мягкое зло.

– Да вы первые начали! – фальцетом взвизгнул гаджит.

– Конечно, вы же уродливы, – радостно засияла Хрупкая. – И должны проиграть.

Время вышло, чёрная дыра содрогнулась, и десятки новых звёзд расчертили пространство. Повсюду вспыхивали щиты, игроки поняли их ценность, и многие звёзды рассыпались в синюю пыль, но другие ударили по беззащитным платформам; большая часть игроков использовали начальную звезду, чтобы совершить две атаки за раунд и выбить соперника из игры – несколько десятков фигур с криками посыпались вниз. Ведь щит – это здорово, но ты тратишь весь

раунд на защиту лишь от первой атаки. А если их две...

Гаджит метнул одну из накопленных звёзд в Хрупкую, её нижняя платформа разлетелась на куски. Звезда стеклянной бабочки рванулась в ответ, её заблокировал щит гаджита, но следом падала атака Разрушителя. Хитрец попытался использовать вторую накопленную звезду, чтобы сбить удар чёрного, она зажглась в его руке – но так и не взлетела. Фокс понял, что больше одной звезды в ход использовать нельзя. Звезда Разрушителя настигла гаджита.

– Сууууууукааааа! – визг Хитреца исказился, когда его вместе с левикреслом швырнуло в распахнутый зев чёрной дыры. Туда же канула его нерастраченная звезда.

Чёрный каменный воин издал яростный рёв, его глаза пылали, как адские огни. Что же это за раса, такой дикий, как он прошёл предыдущие испытания с таким необузданным подходом?!

– Убейте же гада! – возмущённо вскричал Лучший, гневный от того, что никто его не слушал. В жизни властного зера боялись, ему повиновались, а здесь он был никто. Сам Лучший защитился бледным щитом, только его никто не атакował, и он просто потерял раунд.

– **Атакуй, трус,** – гулко рявкнул на него алеуд.

Одиссей ощутил, как пульсирует в ладони сила третьей звезды, две предыдущие лежали выше на запястье и придавали уверенности. Стратег наверняка сделал то же самое, потому что вокруг него не произошло никаких событий. Они

вдвоём стояли во всеоружии на двух нетронутых платформах, у каждого по три звезды. Но Одиссей не видел звёзд в руках Стратега, а значит, игрокам недоступно знание о количестве накопленных друг другом сил.

В последнюю секунду перед началом нового раунда Алеуд едва заметно повёл толстыми пальцами в сторону Разрушителя, так, чтобы увидел только Фокс, и человек коротко кивнул.

Мир содрогнулся, платформы просели ещё немного, над игроками возник светящийся шар на семь секунд, и сплетение напряжения, азарта, страха и возбуждения прошло по единству. Одиссей уловил чьё-то смирение: делай что должно и будь что будет – в нём сплелись предельные решимость и чистота. С другой стороны веяло космическим спокойствием неизвестных глубин, а с третьей – циничным расчётом, настолько сильным, что вокруг этого эго прогибался весь мир. Но в восприятии Одиссея всё меркло в сравнении с затаённой жаждой побеждать и убивать... Схазма была где-то рядом.

Стеклянная бабочка мелодично засмеялась и указала шестью ручками на человека в мятом свитере.

– Мягкий, пушистый, мерзкий, – пела она, качаясь в воздухе беззаботно, как не знающий несчастья мотылёк. – Сделай мир красивее, спрыгни с платформы.

Алеуд выбрал действие и замер; Одиссей опасался атаки со стороны стеклянной, поставил щит, а затем, ещё до конца

раунда, метнул в Разрушителя одну из накопленных звёзд. Тот тоже сделал свой выбор, наверняка это была очередная яростная атака. Взгляд зеара со смесью страха и гнева метался между каменным и стеклянной, до последнего решая, атаковать или защищаться.

Червоточина содрогнулась, платформы дрогнули, мелко дрожа, и вокруг заметались действия игроков. Звезды, щиты, взрывы, чьи-то крики отчаяния и торжества.

Лучший снова поставил щит, дорожа своей шкурой; атака Одиссея врезалась в Разрушителя. У каменного воина больше не было защит, он могуче взревел и, объятый пламенем и осколками платформы, рухнул в чёрную дыру.

– Нееет! – переливчато вскрикнула бабочка. – Мой друг!

Её атака врезалась в вовремя подставленный щит детектива и не причинила вреда.

Зато звезда алеуда упала на Хрупкую – только внезапно ей наперерез пришла чужая звезда, откуда-то с дальней платформы, которую не видели ни Стратег, ни Фокс. Нежданная защита перебила удар алеуда и спасла бабочку от верной смерти. Значит, стеклопод отнюдь не была безумной, и взывала к союзу неуглеродных форм потому, что вокруг было несколько таких претендентов. Один из них согласился с её расистской логикой и спас бабочку.

– Союз твёрдых всегда устоит, – засмеялась она.

И тогда звезда яростного Разрушителя, уже канувшего в бездну, мелькнула в небе коротким росчерком и ударила в

платформу Хрупкой.

Много позже Одиссей узнал, в чём было дело: архоны – раса големов, разум которым придаёт общая кровь Океана огня, текущая в их телах. Предыдущие испытания проходил развитый и утончённый мыслитель, но система Древних пустила на Планету Ноль лишь его оболочку. Дикий архон-ребёнок не знал иных стремлений, кроме разрушения, он был равнодушен к виду врага и жаждал лишь разрушать, не важно кого.

Мгновение стеклянная застыла в воздухе, крылышки трепетали, свет в глубине красиво изогнутого тела бился, как взволнованное сердце. Но неодолимая хватка чёрной дыры со всхлипом утянула бабочку вниз.

– Ух! – с облегчением воскликнул Лучший. – Наконец-то добились безумцев!

Озабоченный своей синтетической шкурой, он снова потратил раунд впустую: его никто не атаковал. Алеуд широко и презрительно ухмыльнулся.

Чёрная дыра содрогнулась, мир дёрнулся, и сильно поредевшие платформы рывком сдвинуло друг к другу, плотнее к центру разлома. Новые игроки сошлись вокруг тройки...

Коротыш. Приземистый, одутловатый этноид неизвестной Одиссею расы напряжённо пригнулся на одинокой платформе в ожидании удара. Его запавшие глазки смотрели внимательно и цепко.

Беззащитная. Прекрасная алорианка с гибким телом, при-

крытым тонкой жемчужно отливающей тканью и тремя волнами пурпурных волос. У неё тоже осталась одна платформа, а на плече откуда-то взялась кровоточащая резаная рана, удар рассёк часть платья, которое сползло вниз и открывало грудь; девушка зажала рану и прикрылась пурпурной волной, в глазах мелькали страх и призыв о помощи.

Продвинутый. Ящерн в лёгкой технологичной броне, усиленный экзоскелетом: не воин, а скорее опытный спортсмен-экстремал.

У них было шесть секунд, чтоб изучить друг друга и принять решение.

– Помогите! – воскликнула алорианка и указала на ящерна, в её глазах горел страх.

Коротыш переводил быстрый оценивающий взгляд исподлобья с одного на другого, Одиссей кивнул ему, чтобы успокоить.

– Мир! – воскликнул ящерн-спортсмен. – В финал пройдут десять, давайте вместе?

– Псст, – шикнул Лучший, стараясь, чтобы услышали только Фокс и алеуд. – Я ему не верю!

Секунды утекали, Одиссей и Стратег одновременно указали друг другу, куда бить. И совпали.

Светящийся шар погас, мир содрогнулся, Продвинутый поставил щит, а Лучший ударил по нему; Коротыш потратил звезду, которую накопил раньше, чтобы восстановить себе платформу, и их снова стало две! Если звёзды можно тратить

на любое действие, их ценность ещё выше, Фокс мимолётно порадовался звёздам, лежащим в его руке.

Алорианка защищалась, неожиданная атака Стратега столкнулась с её щитом и раскололась в синюю пыль. Но идущий следом удар Одиссея взорвал последнюю платформу, и изумлённая красавица в шоке замерла перед моментом падения. Её платье и волосы развевались, как в замедленном визио... но, как и визио, жалостная картинка была фальшивкой, которую смыла хватка чёрной дыры.

Сморщенное, округлое существо без рук и ног, но с несколькими мясистыми хвостами, медленное и неповоротливое от природы, оно было вынуждено развивать способность обманывать других. Каждый из окружающих увидел своё: беззащитную девушку, ребёнка с обломанными рогами, раненого ящерна. Но сейчас иллюзии смыло, и существо камнем рухнуло в провал.

– Менталисты, – презрительно протянул алеуд. – Уверены, что все вокруг глупы.

Новый спазм червоточины; пропасть словно раздвигалась навстречу платформам, которые начинали трескаться по краям от мощи, которую им приходилось преодолевать. Осталось меньше половины игроков; в этом испытании сплелись воедино стратегия, отношения и расчёт, удача и умение обуздать её. Каждое решение могло принести выживание или выбывание из игры.

Новый раунд длился всего пять секунд: Лучший лихора-

дочно замахал рукой на техноящерна, и Одиссей с алеудом и коротышом, не сговариваясь, грохнули Лучшего.

– Возомнил себя повелителем, червь, – спокойно сказал Стратег.

Одудловатый коротыш с цепким взглядом как-то незаметно примкнул к ним, ящерн тоже, и вчетвером они пытались выжить в нарастающем хаосе происходящего. Откуда-то прилетела звезда и вырубил ящерну платформу, когда он думал, что в безопасности и не ставил щит, а копил звёзды. Тут же маленькая агломерация Фокса ввязалась в смертельную битву с крошечной коалицией чужих, Одиссей потерял платформу, Стратегу пришлось хуже, он стоял на одной платформе, и звезда в запасе осталась всего одна. Ящерн тоже потратил накопленную, чтобы выжить.

Следующий раунд длился всего четыре секунды, вокруг царило безумие, на чёткую стратегию не оставалось времени; платформы снова сшибло вместе, близко, игроки едва успевали разглядеть новых соперников и сделать выбор. Фокс мельком увидел, как их ящерн и какая-то женщина-птица, каждый с одной жизнью, ударили друг по другу звёздами в надежде выбить беззащитного конкурента – и в ужасе рухнули в объятия чёрной дыры вдвоём.

Но сам Одиссей, не привлекая внимания и ни с кем не конфликтуя, сумел не потерять, а даже накопить дополнительную звезду и снова владел тремя.

Платформы дрожали, их края разламывались на мелкие

куски; чёрная дыра зияла так близко и казалась такой необъятной, что вопреки защите Древних все чувствовали её ненасытный, неотвратимый гнёт. Над пропастью зависло меньше двух десятков игроков, Одиссей окинул взглядом почти всех, и на том конце увидел два знакомых силуэта. Внутри него давно была догадка и надежда, сейчас сердце пронзили одновременно радость и страх, впервые за весь ход Игр он по-настоящему испугался.

Схазма была где-то рядом, она затаилась, и Фокс понял, что сэлла, владычица биомассы, поменяла облик, чтобы её не выбили сразу. Она сдерживала свою природу, играла расчётливо и была так близка к Планете судьбы...

Сдавленный крик вселенной, новый светящийся шар: две секунды. Одиссей не успевал понять, как лучше, он разрывался: ставить щит, чтобы выжить, или помочь и спасти.

«Отдать звезду».

На другом конце скопища платформ серо-синий пацифист со смешными ушами больше не улыбался, его обычно весёлые и сверкающие оранжевые глаза сузились от напряжения и подступающего отчаяния. Кто-то ударил в него, он начал падать в бездну – но внезапно получил чужую звезду и успел создать под собой новую платформу. В шоке замер, лёжа на краю, держась руками и мягкими щупами, пытаюсь отдышаться и прийти в себя.

Тонкая фигурка дальше всех от Фокса атаковала шестиметрового инсектоида со сворой стрекочущих шуршар –

весь их выводок рухнул в чёрную дыру, но инсектоид ударил в ответ, и фигурка начала падать вниз. Одиссей с невозможной для себя быстротой метнул звезду, чтобы создать под ней платформу; за один раунд он спас двоих.

Взгляды Стратега и Коротыша налились изумлением, как будто они увидели Фокса впервые. Они думали, что трое вместе до смерти, что другого выбора у них нет, у них союз. А этот странный человек потратил драгоценные звёзды на соперников с другой стороны битвы. Значит, когда они попадут на Планету судьбы, у него будет союз. Но не с ними.

Мир содрогнулся, шар, живущий одну секунду, таял так стремительно, что казалось, сейчас закончится вся вселенная.

Их оставалось всего тринадцать: Коротыш ударил в Одиссея, тот знал, что так будет и уже поставил щит. Стратег отбил щитом от удара какого-то удивительного существа, напоминающего конгломерат парящих геометрических фигур.

– Удручающе, – проронил он, глядя на человека, и его взгляд был непривычно-пронизывающим у всегда подслеповатых алеудов. – Нам не нужны предатели.

Стратег швырнул свою последнюю звезду в платформу Фокса, и она взорвалась. Опора под ногами утратилась, человек повис над распахнутой пастью беспросветной тьмы, беззащитный, но у него тоже осталась одна звезда.

И Одиссей должен был выбрать: спасти себя или не допустить Схазму со всем её проклятым орденом на Планету

судьбы. Время замедлилось, человек сжал звезду и метнул её в последнюю платформу алеуда.

Тот рухнул вниз, большой и грузный, и его тело внезапно стало рыхлым, оно вздулось рассыпалось на десятки щупалец, гипнотизирующие танцующих в падении, переливающихся сиренево-серой бахромой. Ведь это с самого начала был не алеуд. Схазма пыталась уцепиться за платформы других, но Игра не позволила. Хватка чёрной дыры сковала чудовище и Одиссея, падавших в никуда.

«По крайней мере, я остановил апокалипсис, – подумал Фокс. Ему было страшно представить, что случится, если сэллы получат доступ к технологиям Древних. Он вспомнил тонкую фигурку на другом конце провала, которую только что спас. – И мне будет, за кого болеть в этой Игре».

Его перевернуло в падении, и Фокс увидел удивительные россыпи из десятков летящих игроков. Ведь это была настоящая чёрная дыра, хоть и крошечная – а значит, чем ближе к ней низвергались несчастные, тем сильнее они замедлялись. Те, что рухнули в бездну первыми, маячили уже на границе преломления света, неестественно растянутые и изогнутые под влиянием гравитационного поля червоточины. А упавшие позже медленно нагоняли их.

Град павших игроков на фоне чёрной дыры – это было зрелище на миллиард энзов.

Схазма поняла, что ей не удастся спастись, и метнулась к человеку; силовая хватка не пустила. Её щупальца выстре-

лили какие-то иглы и споры, она пыталась накрыть его ядом, волной мутаций, пульсары знают, чем ещё. Весь арсенал ордена пытался убить Одиссея, и тот улыбнулся, глядя, как бледное поле Древних блокирует одну атаку за другой.

Ослепительный всполох прошёл по чёрному провалу. Выбывших из игры втянуло в червоточину единым плавным рывком, выкидывая с Планеты судьбы навсегда. И Фокс осознал, что опоздал. Что даже упавшие с платформ, они со Схазмой стали десятым и девятой.

Их подняло наверх, створки пропасти с ужасающим грохотом сомкнулись, вода моментально разгладилась, и вокруг наступила полная тишина.

Звёзды мерцали в небе и отражались в тонком слое воды так же многоцветно и загадочно, как миллионы лет на этой странной планете. На поверхности окаменевшего Мира Ноль стояли десять... уже не претендентов, а игроков.

Одиссей Фокс, нарративный мифотворец.

Лум Весельчак, историк и эксперт по наследию Древних.

Схазма чудовищная, энфорсер ордена сэлл.

Свийс, ядовитый крулианский археолог-интеллектуал, старый знакомый.

Безымянный роевой трансформер из тысячи компактных техноблоков.

Охотек, одутловатый приземистый коротыш, владелец шестнадцати корпораций и ста тридцати миров, квинтилли-

ардер.

Зеро, айн-философ: два высоких робота, одно существо. На масках лиц светились прорези в виде многолучевых крестов – символа Стоиков.

Шера, поджарая хищница-кошка с белоснежно-полосатой шкурой в редкую крапинку, фазовыми когтями и голубыми линзами аугментированных глаз. Совершенная охотница.

Геометрис, сложный конгломерат меняющихся фигур и парящих колец, загадочный и непонятный.

И Ана, решительная и смиренная девушка, опередившая два с половиной триллиона игроков, чтобы попасть сюда, но так окончательно и не решившая, ради чего.

Глава IV Падающий мир

Они стояли напротив друг друга идеальным кругом на десять игроков. Вокруг расстилалась равнина застывшей слякоти, покрытая тонким слоем воды – а в центре круга возник яркий светящийся символ: схождение рук, лап, щупалец, других конечностей. Что это значит, сотрудничество? Единство?

Символ угас, и на его месте появился другой, бледный: возврата и отмены последнего действия. А в чём смысл этого знака, что можно вернуть и какое действие отменить?..

Фокс не успел ничего обдумать, когда пошла волна реакций: первым был Геометрис, его фигуры пришли в движение и с тихим рокотом перестроились вверх, было сложно понять, что это значит, и какую эмоцию выражает новое построение. Есть ли у него вообще эмоции.

Охотница вжала голову в плечи, глядя вверх, её шерсть встопорщилась; на каждом из тысячи блоков трансформера вспыхнул красный огонёк тревоги. Крестообразные прорези в масках двух высоких роботов в мантиях мигнули белым светом, они подняли головы к небу одновременно с Аной и снова мигнули, а принцесса охнула. И даже Схазма тихо, поражённо зашипела. Вслед за быстреешими из десятки задрали головы остальные, и у каждого вырвался сдавленный

вздых или вскрик.

На них падала планета.

Гигантский багровый шар величиной в четверть неба рушился прямо на мир Ноль, он нарастал медленно и вместе с тем слишком быстро и неотвратно.

В руке Одиссея вспыхнула и запульсировала знакомая синяя звезда. Каждый из игроков получил звезду, и одновременно с этим защитное поле Древних, так надёжно их защищавшее, исчезло. Резкий холодный ветер прошёлся по человеку, трепля волосы и свитер.

Фокс моментально отпрыгнул за работа, он не успел даже подумать, всё внутри говорило: прячься. В следующий момент разразился ад: Схазма всем телом издала страшный парализующий крик, в её шкуре открылась сотня вибрирующих ртов-пор, из которых вместе с визгом во все стороны метнулись тонкие щупальца. Пять штук пробили беззащитного Лума Весельчака насквозь, лицо ваффу исказилось от ужаса и боли, а тело стремительно деформировалось, кричащее лицо потекло, и он за секунды превратился в сгусток управляемой плоти, всосался и влился в поток. Только что здесь стояло живое мыслящее существо, две секунды агонии – и его не стало, Лум распался на биоматериал, послушный воле сэллы, стал одним из щупалец и метнулся вперёд, убивать следующих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.